

Действительный член Академии
исторических наук
Виктор Кирсанов
kirsanov-vn@narod.ru

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СМЕНЫ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Вот уже второй десяток лет отечественные демократы активно пытаются втиснуть Россию в прокрустово ложе капитализма. За это время российский народ испытал столько бед, лишений и страданий, сколько ему и не снилось в канун «реставрации» капитализма в стране. При социализме демократам хватило тысячной доли сегодняшних бед, лишений и страданий российского народа на то, чтобы без умолку поливать грязью социализм и петь хвалу капитализму. Это они в годы перестройки, играя на временных трудностях социализма, которые, кстати говоря, сами и чинили, навязали обществу частную собственность, рынок и другие атрибуты капитализма в качестве панацеи от всех бед. Однако ни частная собственность, ни рынок, ни другие атрибуты капитализма не сделали жизнь российского народа лучше, чем при социализме. Более того — и это уже очевидно, — с установлением частной собственности, рынка и других атрибутов капитализма жизнь россиян стала хуже, гораздо хуже, чем при социализме.

Конечно, нельзя отрицать факта улучшения жизни кое-кого из зазывал и поводырей России в капитализм. Некоторые из них, скажем Ельцин, Чубайс, Березовский, Гусинский и другие, действительно стали жить лучше, чем при социализме. Но стоило ли ради улучшения жизни единиц ухудшать жизнь миллионов и миллионов людей?

С точки зрения социализма, преобразование общества для улучшения жизни меньшинства, в угоду меньшинству абсолютно неприемлемо. История свидетельствует: всюду, где строился и строится социализм, разрыв между благосостоянием имущих и неимущих членов общества имел и имеет устойчивую тенденцию к сокращению за счет уменьшения числа неимущих путем увеличения их благосостояния. Скажем, в бывшем СССР в годы перестройки политики, экономики и идеологии страны на капиталистические рельсы эта разница, исходя из минимальной заработной платы в 80 руб., с одной стороны, и максимальной заработной платы Генерального секретаря ЦК КПСС в 1200 руб., с другой стороны, равнялось 1:15. Сегодня, в современной России, исходя из минимальной заработной платы в 83 руб. 49 коп., с одной стороны, и заработной платы Президента страны в 10 000 руб., с другой стороны, — эта разница равна 1:120. И это только «официально» установленная величина. Если исходить из заработной платы руководителей всякого рода ЗАО, ООО, АОЗТ, и прочих предприятий и организаций капиталистического толка, то отрыв имущих от неимущих возрастет еще в несколько раз. Так, по данным Ю. Болдырева, одного из руководителей Счетной палаты РФ, руководитель ГК «Росвооружение» — 14,5 тыс. долл., а глава РАО ЕС России Бревнов получал заработную плату в размере 22,5 тыс. долл.¹. В пересчете на рубли (с учетом курса доллара 28 рублей) первый получал 406 тыс. руб. в месяц, второй — 630 тыс. руб. в месяц. Даже если предположить, что, возможно, речь идет о годовом доходе, то и тогда разница с годовой минимальной заработной платой составит 400 и 603 раза соответственно. Но и это далеко не предел. С учетом «зарботной платы» руководителей теневой экономики пропасть между бедными и богатыми будет еще чудовищнее.

С точки же зрения капитализма, преобразование общества для улучшения жизни меньшинства, в угоду меньшинству является само собой разумеющимся. Капитализм не приемлет иного пути развития общества, кроме как обогащения одних людей, составляющих меньшинство, за счет обнищания других людей, составляющих большинство. История свидетельствует: всюду, где был и есть капитализм, разрыв между благосостоянием имущих и неимущих членов общества имел и имеет устойчивую тенденцию к увеличению. Богатые становились и становятся еще богаче, а бедные становились и становятся еще беднее. Именно данное обстоятельство и является основной объективной причиной неизбежности гибели капитализма.

Что бы там ни говорили демократы, при социализме рабочий и пенсионер были гораздо свободнее и в политическом, и в экономическом, и в идеологическом отношении, чем современный рабочий и пенсионер в ныне «реставрируемой» России. Потому-то сегодня 40% россиян и вовсе не имеют сбережений, а 24% имеют лишь по одной тысяче рублей или перебиваются с хлеба на воду — в то время как 64%, или 2/3, россияне влачат жалкое существование, еле-еле сводя концы с концами, многие из которых буквально гибнут от невыносимости демократических (капиталистических) реформ, ярким свидетельством чему служит катастрофическая убыль населения России, 5% россиян обладает 75% всех сбережений населения России, т. е. 3,825 трлн. руб. из 5,1 трлн. руб.

Мало того что сегодня и средняя заработная плата, и пенсия по стране ниже прожиточного минимума, так в большинстве случаев люди несколько месяцев, а то и больше года не получают даже эти крохи. Допустим чисто теоретически, что и новоявленные «хозяева» несколько месяцев, а то и больше года, в знак солидарности с трудящимися не получают (не платят сами себе) заработную плату, пенсию. Что из этого следует? Только лишь то, что, получая десятки тысяч долларов, т. е. несколько сот тысяч рублей, всегда можно прожить, не получая заработную плату или пенсию несколько месяцев, а то и

больше года, лучше того, кто находится в аналогичных условиях с доходом одна тысяча рублей в месяц. Как можно жить, получая заработную плату одна тысяча рублей в месяц при средней стоимости хлеба весом 450 граммов — 6 руб., пакета молока емкостью 1 литр — 15 руб., одного килограмма мяса — 100 руб. и т. д., плюс коммунальные услуги — 200 руб. в месяц за однокомнатную квартиру. К тому же надо есть, пить, одеваться, обуваться и т. д. не только самому, но также, кормить, поить, одевать, обувать и т. д. ребенка. А тут еще по несколько месяцев, а то и больше года задерживают выдачу заработной платы, пенсии... Стоит ли после этого удивляться тому факту, что ежегодно жертвами демократических реформ, точнее говоря «реставрации» капитализма, в России становятся около миллиона россиян? Кто бы мог подумать еще 10 лет назад, что в конце XX — начале XXI века россияне будут умирать от голода и холода?

А что же демократы? Где их обличительные речи и статьи? Почему они не организывают митинги и демонстрации в знак протеста против ухудшения жизненного уровня россиян, против вымирания россиян? Наоборот, они делают все возможное для продолжения антинародных реформ. Это они при социализме день и ночь пеклись о здоровье и благосостоянии россиян. Тогда, делая из мухи слона, выдавая белое за черное, они заполнили средства массовой информации, представляя в черном свете все социалистическое. Теперь же, после взятия власти, они пекутся о собственном здоровье и благополучии, заполняя средства массовой информации рекламой и гольими задами. В свое время Гитлер планировал после покорения СССР транслировать для народов СССР по радио и телевидению музыку, музыку и еще раз музыку, дабы избежать их духовного возрождения. Гитлер, как известно, потерпел сокрушительное поражение. Советский народ относительно легко справился с внешним врагом. Куда труднее, оказалось, справиться с внутренним врагом в лице демократов. То, что не удалось Гитлеру, сделали демократы — уничтожили СССР. Они же воплотили в жизнь его стремление, предоставлять советскому народу пустую информацию. Мыльные оперы, песни-однодневки и пустая реклама сегодня абсолютно преобладают в таких средствах массовой информации, как телевидение и радио. Демократы явно переплюнули Гитлера, систематически и монотонно внедряя в сознание россиян информацию о прокладках с крылышками...

В чем причина крушения социализма и «реставрации» капитализма в России? Почему миллионы и миллионы россиян, влачащих жалкое существование, из года в год исправно голосуют за демократов и тем самым поддерживают курс на капиталистические преобразования в стране?

Ответ на эти вопросы один: застой марксистско-ленинской философской мысли. Именно отсутствие научно обоснованных ответов и решений по большинству наболевших вопросов современного обществоведения и естествознания со стороны марксизма-ленинизма послужило основой изменения мировоззрения советских людей. Социализм получил поражение не на материальном, а главным образом и в первую очередь, на духовном, идеологическом фронте в силу субъективных причин. Хотя материальное и имело место в Беловежской Пуще, тем не менее это было следствием к тому времени уже ярко выраженного духовного обнищания советских людей, а потому является закономерным итогом деформации социализма. В настоящее время большинство людей в стране не верит в преимущество социализма перед капитализмом. Но еще меньше его сторонников среди наиболее активной части общества. Вот почему скорый приход к власти в стране сторонников социализма мало что даст сам по себе без соответствующей организационной, пропагандистской и агитационной работы среди трудового народа, направленной не только и не столько на свержение прокапиталистического руководства страны и замены его людьми социалистического толка, сколько без ежедневного и кропотливого труда, направленного на доказательство необходимости и неизбежности социалистических (коммунистических) преобразований в обществе.

Какой спрос с «простого» человека, если даже наиболее активные представители оппозиции, говоря по Маяковскому, не чистят себя, свои мысли, действия и поступки под марксизмом-ленинизмом, чтобы плыть в коммунизм дальше. Самый свежий пример. На днях Ж. Алферов, депутат Госдумы, член КПРФ, получил Нобелевскую премию в области физики. Выступает он по телевидению в программе «Здесь и сейчас». Ведущий — ярый демократ А. Любимов — заводит разговор с ним о его партийной принадлежности и, кроме всего прочего, спрашивает о том, что хорошего он нашел в социализме (коммунизме). Казалось бы, чего еще надо — бери микрофон и обоснуй свое достижение в физике с точки зрения марксизма-ленинизма, расскажи, почему ты в рядах коммунистов, а не демократов и т. д. и т. п. Вместо этого Алферов, смущаясь, как красна девица, сказал почти дословно следующее: «Сейчас не время и не место для этого. Я, Александр, тебе потом скажу об этом». О чем это говорит? Прежде всего об идеологической слабости, вернее сказать марксистской неграмотности Алферова. Недостаточно быть хорошим физиком, чтобы быть хорошим коммунистом.

Накануне крушения социализма в СССР вообще и в России в частности, с середины 80-х до начала 90-х годов, отечественные демократы активно метали критические стрелы в адрес социалистической революции, произошедшей в России в октябре 1917 года. В своих прокапиталистических изысканиях они неизменно приходили к выводу о несоответствии теории и практики смены общественно-экономической формации в стране в октябре 1917 года. Упор делался ими на слаборазвитость производительных сил России в канун социалистической революции по сравнению с капиталистическими странами. Отсюда они делали заключение о необходимости возврата России в лоно мировой цивилизации в форме капиталистического государства. Вот видите, говорили демократы, указывая на временные трудности социализма, будучи при этом не столько сторонними наблюдателями, сколько непосредственными виновниками большинства, если не всех из них, что получается в результате нарушения закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил.

Следует сразу отметить, что закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил есть выдумка отечественных ученых-обществоведов, рожденная в ходе очередного «творческого развития» ими марксизма-ленинизма. На самом деле существует закон противоречия между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями, о чем мной было подробно сказано в книге «Реставрация» капитализма в России. Истоки и причины».

Что касается обвинения в преждевременности социалистических преобразований в России, то это не ново. Начиная с первых шагов Советской власти, апологеты капитализма говорят о том, что практика смены общественно-экономической формации в стране, начатая коммунистами в октябре 1917 года, не соответствует теории. С тех пор они всячески пытались привлечь внимание отечественных, вернее сказать, советских ученых-обществоведов к этому вопросу, которые до последнего времени делали вид, что ничего не видят и ничего не слышат. Со стороны этот диалог был похож на разговор глухого с немым. Усилия наших идеологических противников не были напрасными. Их стараниями «прозрел» не один «ученый», объявивший ныне социалистическую революцию октября 1917 года вне закона, низведя ее всемирно-историческое значение до дворцового переворота.

Одним из представителей «прозревших» является М. Восленский. По его признанию, он, будучи еще школьником, много слушал рассказы старого, почти 80-летнего Дейча, одного из членов группы «Освобождение труда», о тех далеких днях, когда русская социал-демократия делала свои первые шаги. И что же он вынес для себя из сказанного старым оппортунистом Дейчем? Цитирую: «В словах Дейча мне стала понемногу открываться главная проблема, вставшая тогда перед русскими марксистами, — проблема исторической отсталости России, невозможности для этой страны, сделавшей первые шаги к капитализму, совершить прыжок в послекапиталистическое общество»ⁱⁱ.

Спустя много лет Восленский становится доктором аж двух наук: исторических и философских. Ну и что же? А ничего. За это время он так и не смог продвинуться в решение, как он выражается, открывшейся ему главной проблемы. Более того, он еще больше запутал ее, будучи не в состоянии выйти за пределы миропонимания школьника. Он так и не понял: кто же, если не марксисты, готовил, организовывал и осуществлял социалистическую революцию в России в октябре 1917 года, коли правда то, что «тогда перед русскими марксистами встала проблема исторической отсталости России, невозможности для этой страны (очевидно уже в школьные годы Россия для Восленского была этой, т. е. чужой страной), сделавшей первые шаги к капитализму, совершить прыжок в послекапиталистическое общество»? Конечно же, это были марксисты. Причем настоящие марксисты. Дейча и ему подобных среди них нет. Дейч и К° были далеки от марксизма и потому не верили в возможность свершения социалистической революции в отсталой царской России. Далеки от марксизма и Восленский, рядящийся в тогу ученого, как Дейч — в тогу марксиста.

Но есть между ними и принципиальная разница. Дейч не верил в то, что может быть, а Восленский не верит в то, что есть. Первый боролся против самой возможности строительства социализма в отсталой царской России, второй борется против самого факта строительства социализма в отсталой царской России. И оба ссылаются на марксизм.

Данное обстоятельство безотлагательно требует детального рассмотрения учения основоположников марксизма-ленинизма о смене формаций. Это тем более необходимо, что с крушением строительства социализма в России — не в последнюю очередь из-за отсутствия ясности по вопросу о смене формаций — противники социализма могут уверовать в свою правоту относительно невозможности строительства социализма в докапиталистическом обществе.

Итак, Восленский утверждает, что «по марксистской теории, пролетарские революции происходят в промышленно наиболее развитых странах — там, где капиталистические производственные отношения оказываются слишком узкими для бурно выросших производительных сил и превращаются в их оковы»; что «марксизм говорит о последовательно сменяющихся одна другую социально-экономических формациях как закономерных этапах развития человеческого общества»ⁱⁱⁱ. Это же повторяет он в заочном споре с лидером Монголии Ж. Батмунхом. Комментируя вопрос последнего: «Могут ли запоздавшие в своем развитии народы... сократить сроки своего национального, политического и социального развития? Обязательно ли для них, как это полагали теоретики II Интернационала, пройти по пути к социализму все ступени феодального, а затем и буржуазного развития?» — Восленский констатирует: «Теоретики II Интернационала здесь, конечно, ни при чем, ибо так полагали уже Маркс и Энгельс»^{iv}.

Правда ли, что, по марксистской теории, пролетарские революции происходят в промышленно наиболее развитых странах — там, где капиталистические производственные отношения оказываются слишком узкими для бурно выросших производительных сил и превращаются в их оковы? Верно ли, что марксизм говорит о последовательно сменяющихся одна другую социально-экономических формациях как закономерных этапах развития человеческого общества? Действительно ли Маркс и Энгельс полагали, что запоздавшие в своем развитии народы не могут сократить сроки своего национального, политического и социального развития; что они обязательно должны пройти по пути к социализму все ступени добуржуазного, а затем и буржуазного развития?

Разумеется, нет, нет и еще раз нет. Чтобы понять это, не надо ходить далеко. Достаточно открыть указанную книгу Восленского на 575 странице, где он, рассуждая об азиатском способе производства, в частности пишет: «Маркс, очевидно, подметил некую загадочную связь между «азиатским способом производства» и социализмом. Иначе трудно объяснить высказанную им мысль о возможности прихода к социализму у Индии и России на основе сохранившейся в обеих странах сельской общины, то есть на той же основе, на которой, по его мнению, сложился «азиатский способ производства»^v. Очевидно, что Восленский знал точку зрения Маркса о возможности строительства социализма в Индии и России, минувя капитализм как промежуточную стадию. Конечно же, знал. Знал и тем не менее имел наглость утверждать,

что «по марксистской теории, пролетарские революции происходят в промышленно наиболее развитых странах — там, где капиталистические производственные отношения оказываются слишком узкими для бурно выросших производительных сил и превращаются в их оковы»; что «марксизм говорит о последовательно сменяющих одна другую социально-экономических формациях как закономерных этапах развития человеческого общества».

Не найдя у основоположников марксизма-ленинизма даже маломальского намека на невозможность перехода от одной общественно-экономической формации к другой, минуя промежуточную, Восленский обосновывает невозможность данного перехода в заочном споре с лидером Монголии следующим образом. «Человечество, — говорит он, — возникло в некую определенную эпоху, однако сегодня на Земле живут народы с различным уровнем общественного развития — от родового строя каменного века до развитого общества современной цивилизации. Это доказывает, что темп развития в разных странах различен. Значит, возможно его ускорение или замедление. Но этапы необходимо проходить все. Следуя по одному и тому же маршруту пешком, в поезде или на самолете, мы не минувем ни единого метра пути; грудной младенец не может превратиться в зрелого человека, не пережив всех этапов такого превращения. Вопреки этим очевидностям Батмунх объявляет, что Монголия успешно совершила «скачок» «через века — от кочевого пастушеского феодального хозяйства, страшной нищеты и почти поголовной неграмотности населения к социалистическому обществу», претендующему на то, чтобы быть высшей ступенью современного мира. По теории исторического материализма, сделать это невозможно»^{vi}.

В устах дважды доктора наук это есть не что иное, как детский лепет. Американские индейцы до прихода европейцев не знали ни железа, ни гончарного круга, не приручили ни одного выючного животного (исключение составляют жители Анд, которые приручили ламу) и тем не менее достигли высокого уровня развития в области земледелия, строительства, искусства, математики и астрономии. Они миновали в своем развитии этапы изобретения железа, колеса и т. д., являющиеся основными вехами в истории развития народов Старого Света, но, несмотря на это, их цивилизация ненамного уступала цивилизации европейцев, а в ряде направлений человеческой деятельности и превосходила ее. По крайней мере, очевидно одно: американские индейцы по своему развитию значительно превосходили предков европейцев, не знавших железа и колеса.

К тому же дважды доктор наук, видимо, просто не знает той простой истины, что «в одну реку нельзя войти дважды». Тем более это невозможно сделать разными способами. Идя пешком из пункта А в пункт В я буду, скажем, переставлять ноги на ширину плеч, перепрыгивать маленькие лужи, овраги, периодически посматривать в разные стороны, менять направление и величину шага, отдыхать либо стоя, либо сидя на пне, камне, земле и т. д. и т. п. Следуя в поезде из пункта А в пункт В я буду, скажем, сидя у окошка пить чай, читать газету, курить в тамбуре и т. д. и т. п. Таким образом, поездом я обязательно миную ряд этапов деятельности пешехода. Понятно, что в случае прохождения пути из пункта А в пункт В самолетом я миную ряд этапов прохождения искомого пути и пешехода и пассажира поезда.

Что касается сказанного Восленским о том, что «следуя по одному и тому же маршруту пешком, в поезде или на самолете, мы не минувем ни единого метра пути», то это абсолютная чушь. Полагаю, нет надобности занимать читателя доказательством неодинаковости величины пути из пункта А в пункт В, пройденного пешеходом, пассажиром поезда и пассажиром самолета. Достаточно отметить, что если пешеход, следуя из пункта А в пункт В, преодолевает разного рода препятствия, скажем, спускается в овраг, обходит болото, поднимается в гору и т. д., то пассажир самолета преодолеет тот же путь, минув большинство из этих препятствий значительно коротким путем, а значит, при всех прочих равных условиях, пройденное им расстояние из пункта А в пункт В будет меньше, нежели у пешехода.

Утверждение же Восленского «грудной младенец не может превратиться в зрелого человека, не пережив всех этапов такого превращения» — абсолютная чепуха. У каждого грудного младенца свои этапы превращения во взрослого человека. Один болеет часто, но быстро выздоравливает. Другой болеет редко, но медленно выздоравливает. Третий — инвалид с рождения. Четвертый становится инвалидом через месяц после рождения. Пятый становится инвалидом через год после рождения. Шестой ровно через три года после рождения падает с крыши. Седьмой, растет в трущобе, систематически недоедая и недосыпая. Восьмой, растет в царских палатах, сытно ест и мягко спит и т. д. и т. п. Я привел лишь маленькую толику возможных этапов превращения грудного младенца в зрелого человека. Очевидно, что, например, этапы превращения грудного младенца в зрелого человека в нищей семье будут отличаться от этапов превращения грудного младенца в зрелого человека в богатой семье.

Это отличие будет еще разительней, если сравнивать этапы превращения грудного младенца в зрелого человека у разных народов, в разных формациях. У аборигенов Австралии в процессе приобщения мальчика подростка к категории зрелых мужчин его испытывают посредством выбивания зубов, прижигания огнем, вырывания волос и других физически мучительных процедур. У аборигенов Новой Гвинеи племени куку-куку составной частью превращения грудного младенца мужского пола в зрелого человека является убийство человека (для успешного завершения инициации испытуемый должен продемонстрировать голову убитого им человека), желательнее из другого племени, но в крайнем случае годится и соплеменник. Иначе обстоит дело с превращением грудного ребенка в зрелого человека в развитых странах.

Таким образом, аргументы Восленского, выдвинутые им для обоснования необходимости прохождения обществом всех этапов развития человечества, лишены всякого научного основания. Раз и навсегда установленных этапов развития общества не существует. Доказывая обратное, Восленский для научной видимости ссылается на Маркса, говоря о том, что «общество, с марксистской точки зрения, — не собрание людей, а их общность, социальный организм, который, как и любой организм, проходит через

совершенно определенные стадии развития от своего рождения до смерти»^{vii}. И вновь Восленский искажает марксизм, не имея данных из первоисточника. Согласно ему, если один человек заболел той или иной болезнью, например СПИДом, то и другие люди непременно должны пройти через эту стадию развития. Абсурдность этого была показана выше. Здесь же необходимо обратить внимание читателя на сказанное Марксом по этому вопросу.

«Что же такое общество, какова бы ни была его форма? — спрашивает Маркс в письме к Анненкову от 28 декабря 1846 года и тут же отвечает: — Продукт взаимодействия людей»^{viii}. Маркс подчеркивает, что люди, будучи деятельными существами, являются не только материальными носителями, но и творцами общества. Для создания определенного продукта взаимодействия людей требуется определенный уровень развития производительных сил. Общество как продукт взаимодействия людей есть результат исторически сложившихся форм совместной деятельности людей, соответствующих уровню развития их материального производства. «Итак, — писал Маркс, возвращаясь к сказанному об обществе в письме к Анненкову от 28 декабря 1846 года, в работе «Наемный труд и капитал», — общественные отношения, при которых производят индивиды, общественные производственные отношения изменяются, преобразуются с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил. Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество со своеобразным отличительным характером»^{ix}.

Только невежа или лгун мог вопреки сказанному Марксом о том, что люди, вступая между собой в исторически определенные общественные отношения, где прежде всего выделяются производственные отношения, образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество со своеобразным отличительным характером, — утверждать, что общество, с марксистской точки зрения, проходит через совершенно определенные стадии развития от своего рождения до смерти

Другим представителем «прозревших» является А. Кива.

«Как возникает социализм?» — спрашивает он. И сам же отвечает: «По Марксу, он вырастает из капитализма как более высокой формации, нежели феодализм. Стало быть, социализм стоит двумя ступенями выше (измеряемыми сотнями лет) феодализма. А наш строй появился как? Он сформировался в лоне полукапиталистического-полуфеодального общества, в недрах которого господствовали добуржуазные ценности: общинный коллективизм, стремление к уравнительности, неуважительное отношение к частной собственности и т. д. И что же получается в результате? А вот что. Наш социализм вырос из «докапитализма», который принес с собой в наше общество многие отсталые, архаичные представления и ценности, которые обычно исчезают в ходе капиталистического развития. «Докапитализм» не может непосредственно породить социализм. Почему? Когда в относительно отсталой стране происходит социалистическая революция, она не просто прерывает естественную для нее фазу развития, она как бы срезает ростки более высокой формации, и общество откатывается назад»^x.

Кива напрасно ссылается на К. Маркса столь громогласно. Для этого нужны основания из первоисточника, а их у него нет, иначе бы он непременно привел цитату из высказывания самого Маркса, пусть даже и взятую из его черновиков или частных писем. Но так как Маркс не оставил после себя доказательств того, что социализм (коммунизм) вырастает из капитализма, то Киве ничего не остается делать, как поступать в соответствии с принципом действия вора, заключающегося в том, что для того чтобы отвести от себя подозрение в воровстве, необходимо громче всех кричать «держи вора!». Кива либо действительно не знает мнение Маркса по данному вопросу, что маловероятно для доктора исторических наук, либо врет. В свете выше- и нижесказанного последнее будет вернее.

Утверждая, будто бы, по Марксу, социализм вырастает из капитализма, Кива, как и Восленский, перепевает зады русских либералов и представителей народничества конца XIX века. Последние, хотя и не приемили идею социализма, но все-таки в свое время делали прогрессивное дело, призывая российский народ в будущее, из феодальной России — в Россию капиталистическую, тогда как современные демократы зовут российский народ назад: вернуться из социалистического общества в общество капиталистическое. Причем, что характерно, так это то, что и прошлые и настоящие отечественные апологеты капитализма приходят к выводу о необходимости, более того — неизбежности капиталистических преобразований в России в результате неверного понимания (сознательно или бессознательно — другой вопрос) сказанного Марксом в «Капитале», в особенности главы двадцать четвертой указанного сочинения под заголовком «Так называемое первоначальное накопление», где он, кроме всего прочего, пишет: «Экономическая структура капиталистического общества выросла (выросла, а не вырастает, как думают современные демократы. — В. К.) из экономической структуры феодального общества»^{xi}.

Итак, вопрос, как возникает социализм (коммунизм) или из чего он вырастает, не нов. Задолго до современных демократов он был поднят отечественными либералами и представителями народничества — в конце XIX века. Этот факт странным образом оказался незамеченным современными демократами, что лишний раз свидетельствует об их поверхностном отношении к делу, затянному, надо полагать, из конъюнктурных соображений, чтобы не сказать о преднамеренной лжи. Сам Маркс категорически отвергает навязанный ему духовными предшественниками Восленского и Кивы, а значит и последними, взгляд, будто бы он, как и они, считает, что социализм (коммунизм) вырастает исключительно из капитализма. Интересно, что если Маркс в связи с ростом в России коммунистических настроений, впервые столкнувшись с вопросом о возможности осуществления в обществе социалистических (коммунистических) преобразований минуя капиталистическое развитие, ищет и находит ответ (с этой целью предварительно изучив русский язык) в трудах русских ученых, а в особенности в трудах Н. Г. Чернышевского, то либералы и представители народничества, широко открыв рот, смотрели на остальную

Европу, раболепствуя перед ней с ученым видом, примеряя на себя ее поношенные панталоны. В то время как Чернышевский говорил о необходимости и возможности строительства социализма (коммунизма) в России, минуя капитализм, Н. Михайловский, В. Засулич и другие апологеты капитализма выступали в роли оракулов капитализма в России, ссылаясь на Маркса, приписывая ему авторство выдуманной ими же теории об исторической неизбежности для всех стран мира испытания всех прелестей капитализма. Точь-в-точь как это делают современные демократы, представленные здесь Восленским и Кивой.

Не знаю, каким образом К. Маркс обнаружил статью одного из идеологов русского народничества Н. Михайловского в журнале «Отечественные записки», № 10 за 1877 г. под названием «Карл Маркс перед судом г. Жуковского», содержащую ложную трактовку «Капитала». Ясно одно: он был удивлен и возмущен приписыванием ему очередной небылицы и решил ответить Михайловскому. В письме в редакцию «Отечественных записок» Маркс в частности пишет: «В послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала», которое автору статьи о г-не Жуковском известно, так как он его цитирует, я говорю о великом русском ученом и критике (Н. Г. Чернышевском. — В. К.) с высоким уважением, какого он заслуживает. Этот ученый в своих замечательных статьях исследовал вопрос, должна ли Россия, как того хотят ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные. Он высказывается в смысле этого последнего решения. И мой почтенный критик (Михайловский. — В. К.) имел по меньшей мере столько же оснований заключить из моего уважения к этому великому русскому ученому и критику, что я разделяю взгляды последнего на этот вопрос, как из моей полемики против «беллетриста» и панслависта (А. Герцена. — В. К.) сделать вывод, что я эти взгляды отвергаю. Впрочем, так как я не люблю оставлять «места для догадок», я выскажусь без обиняков. Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык и затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу. Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»^{xii}. Не в бровь, а в глаз!

Далее, разбирая двадцать четвертую главу «Капитала» о первоначальном накоплении, на которой преимущественно основывался вывод Михайловского о неизбежности становления капитализма в России, Маркс продолжает в письме: «Итак, что же мог извлечь мой критик (Михайловский. — В. К.) из этого исторического очерка в применении к России? Только следующее. Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы — а за последние годы она немало потрудились в этом направлении, — она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие несчастные народы. Вот и все. Но этого моему критику (Михайловскому. — В. К.) слишком мало, ему непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются, для того чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека. Но я прошу у него (Михайловского. — В. К.) извинения. Это было бы одновременно и слишком лестно и слишком постыдно для меня»^{xiii}.

К сожалению, письмо Маркса в редакцию «Отечественных записок», написанное в ответ на статью Михайловского, осталось неотправленным и было найдено Энгельсом в бумагах Маркса уже после его смерти. Тем не менее оно было опубликовано сначала в Женеве в 1886 году в № 5 «Вестника Народной Воли», а затем в России в октябре 1888 г. в журнале «Юридический вестник».

В 1880 году Маркс вновь столкнулся с непониманием «Капитала» в России в данном вопросе, после того как за разъяснениями к нему обратился Исполнительный комитет «Народной воли» из Петербурга, по приговору которого 1 марта 1881 года был убит Александр II.

Вслед за Исполнительным комитетом «Народной воли» спустя несколько месяцев по этому же поводу к Марксу обратилась с письмом от 16 февраля 1881 года В. Засулич, где она от себя и от имени своих товарищей, позднее вошедших в группу «Освобождение труда», кроме всего прочего, пишет: «...большую услугу Вы оказали бы нам, изложив Ваши воззрения на возможные судьбы нашей сельской общины и на теорию о том, что в силу исторической неизбежности все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства»^{xiv}.

В процессе подготовки ответа на письмо Засулич Маркс проделал большую работу; свидетельством чему являются четыре наброска ответа. Три из них (четвертый текстуально почти совпадает с самим письмом Маркса к Засулич от 8 марта 1881 года) — каждый в отдельности по содержанию значительно превосходит содержание отправленного письма, вероятно, что-то не устраивало его в каждом из трех набросков, и потому по мере готовности он всякий раз откладывал их, желая еще раз улучшить содержание письма. Также вероятно, что обстоятельства (болезнь в первую очередь) помешали ему сделать задуманное, и он, не желая далее тянуть с ответом, отправил Засулич лаконичное письмо. «Сожалению, — писал Маркс, — что не могу дать вам пригодный для опубликования краткий ответ на вопрос, с которым Вы изволили обратиться ко мне. Несколько месяцев тому назад я уже обещал Петербургскому комитету (Исполнительному комитету «Народной воли». — В. К.) работу на ту же тему. Надеюсь, однако, что достаточно будет нескольких строк, чтобы у Вас не осталось никакого сомнения относительно недоразумения по поводу моей мнимой теории»^{xv}. Далее, вкратце анализируя происхождение

капиталистического производства, Маркс, как и в случае с ответом Михайловскому, вновь пытается показать, что в «Капитале», а в особенности в двадцать четвертой главе, он рассматривает капитализм исключительно как свершившийся факт, т. е. в том виде, в каком он вышел из недр феодальных государств Западной Европы.

«Следовательно, — пишет Маркс далее в письме к Засулич, — «историческая неизбежность» этого процесса точно ограничена странами Западной Европы. В этом совершающемся на Западе процессе дело идет, таким образом, о превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности. Из русских же крестьян пришлось бы, наоборот, превратить их общую собственность в частную собственность. Анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мною из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»^{xvi}.

В 1882 году в предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», вновь касаясь вопроса о возможности перехода России к социализму, минуя капиталистическое развитие, Маркс и Энгельс отмечают, что: «задачей «Коммунистического манифеста» было провозгласить неизбежно предстоящую гибель современной буржуазной собственности. Но рядом с быстроразвивающийся буржуазной земельной собственностью мы находим в России больше половины земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община — это, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада? Единственный возможный ответ в настоящее время на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»^{xvii}.

Такова точка зрения Маркса относительно возможности русской общины непосредственно перейти в высшую, коммунистическую стадию. И после этого находятся люди типа Восленского и Кивы, которые, размахивая учеными степенями и званиями, с пеной у рта твердят, что, по Марксу, социализм вырастает непосредственно из капитализма. Будь я верующим, то непременно бы сказал: «Побойтесь бога!» Впрочем, не думаю, чтобы это их образумило, ибо для таких людей закон не писан, тем более божий.

Дальнейшее развитие теории смены общественно-экономических формаций получила в трудах Энгельса, Ленина и Сталина.

В 1894 году Энгельс написал «Послесловие к работе «О социальном вопросе в России». Сама работа была написана им в 1874 году. Еще тогда в полемике с П. Ткачевым, одним из идеологов русского народничества, Энгельс, указывая на социальное неравенство крестьян в России ввиду разрозненности крестьянских хозяйств, полной изоляции как отдельных общин, так и их членов друг от друга, подчеркивал, что «общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и, по всей видимости, идет к своему разложению. Тем не менее бесспорно существует возможность перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно, причем этот переход к высшей форме должен будет осуществляться без того, чтобы русские крестьяне прошли через промежуточную ступень буржуазной парцельной собственности»^{xviii}. В «Послесловии» Энгельс, обобщая сказанное им и Марксом относительно разбираемого нами вопроса, а также на основании накопления нового материала (уже вышла в свет его работа «Происхождение семьи, частной собственности и государства») приходит к выводу, что при помощи победившего пролетариата отставшие в своем социально-экономическом развитии народы смогут «значительно сократить процесс своего развития к социалистическому обществу и избежать большей части тех страданий и той борьбы, через которые приходится прокладывать дорогу нам в Западной Европе»^{xix}.

В 1917 году на VI Съезде партии в ответ на вылазку троцкистов, отрицавших в лице Преображенского возможность социалистической революции в России, минуя капиталистическую стадию развития, доказывавших, что только при условии пролетарской революции на Западе можно будет направить страну по социалистическому пути развития, Сталин заявил: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»^{xx}.

Наиболее полный ответ на вопрос, «интересующий» демократов в лице Восленского и Кивы, был дан В. И. Лениным в 1920 году. Выступая на II конгрессе Коммунистического Интернационала, он указал, что «если революционный победоносный пролетариат поведет среди них (отсталых народов. — В. К.) систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми силами и имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, то капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовывать самостоятельные, кадры борцов, партийные организации, не только повести немедленно пропаганду за организацию крестьянских Советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому

строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»^{xxi}.

Таким образом, Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин не отрицают возможность перехода к социализму (коммунизму) общества докапиталистической формации, минуя капиталистическое развитие. Они говорят о возможности, более того — о необходимости этого перехода.

Таков вывод, к которому должен был прийти всякий ученый, серьезно занимающийся наукой, а не дилетантством. Это тем более легко сделать, когда все необходимые материалы находятся на книжной полке.

Такова диалектика смены общественно-экономических формаций, подтвержденная всем ходом исторического развития. Опыт народов Советского Союза, Китая, Монголии и других стран убедительно свидетельствует о возможности перехода от одной общественно-экономической формации к другой, избежав тяготы и беды промежуточной стадии развития. Уверен, советский народ не потерял ничего от того, что, по большому счету, не знал безработицы, проституции, наркомании, преступности и других составляющих капитализма. Теперь вот благодаря усилиям современных демократов он сполна познал буржуазные ценности и идеалы, но при этом не приобрел ничего, кроме тягостей, лишений, страданий и бед. Так стоило ли ради этого «реставрировать» капитализм в России? Ответ очевиден, но только не для демократов. А все потому, что все социалистическое им чуждо. Для них теория и практика строительства социализма не являются критерием научной обоснованности, критерием истинности.

Если опыт народов, избравших социалистический путь развития, минуя капитализм, не представляет для демократов научной ценности, то можно указать на историю германского народа. Первое классовое общество на территории Германии образовалось примерно с I в. до н. э. до VI в. н. э. Германские племена в своем развитии от первобытнообщинной общественно-экономической формации перешли к феодальной, минуя рабовладельческое общество. Вот где поле деятельности для Восленского и Кивы в упражнении ума. Они утверждают, что дорабовладельческое общество не может непосредственно породить феодализм, а он — вот он. И никакие «отсталые, архаичные представления и ценности», которые, по их мнению, должны были исчезнуть в ходе рабовладельческого развития, но, не исчезнув, были привнесены сначала в феодальное, а потом и в буржуазное общество, в каждом из которых они, эти отсталые, архаичные представления и ценности превращались в еще больший анахронизм, не помешали Германии стать в настоящее время одним из высокоразвитых капиталистических государств.

Думаю, после сказанного мной Восленский и Кива укажут германскому народу на это противоречие и призвуют его вернуться к строительству рабовладельческого общества. А мы дружно посмеемся...

Посмеемся и над А. Чепуренко, и над философом В. Киселевым (автором статьи «Возвращаясь к ленинским принципам», напечатанной в «Московской правде» 09.02.1988 г.), и над другими, в угоду капитализма вставшими на защиту марксизма. И как тут не смеяться, если, ругая Ленина и Сталина, якобы вопреки учению Маркса и Энгельса «свершившими» социалистическую революцию в России, А. Чепуренко, выступая на страницах журнала «Молодой коммунист» со статьей «В чем виноват Маркс?», как и его собратья по антисоветской пропаганде, утверждает, что «классики марксизма допускали, что социалистическая революция может начаться, но не предполагали, что она может успешно развиваться в одной, к тому же довольно отсталой стране»^{xxii}.

Соответствует ли теории смены общественно-экономических формаций переход к социализму, осуществленный в нашей стране в октябре 1917 года? Да, соответствует! Соответствует именно потому, что переход этот стал возможным в результате несоответствия роста производительных сил и производственных отношений в царской России, которая была феодальным государством. Переход к социализму (коммунизму) в нашей стране произошел непосредственно от феодальной общественно-экономической формации. Реформы 1861 года, успешная война России против Турции, усиление реакции на подъем революционного движения 70—90-х годов, стихийное, неорганизованное выступление пролетариата в 1905—1907 годах, начало Первой мировой войны, предательство Советов в феврале 1917 года лишь отодвинули срок перехода России от феодализма к социализму. Каждый шаг в этом направлении толкал имущие классы в объятия царизма. Не последнюю роль в этом сыграли представители позднего народничества, из среды которых вышли первые марксисты и лидеры русской социал-демократии: Плеханов, Засулич и др., считавшие, что только Запад может указать нам путь. Увлечшись сочинениями Маркса и Энгельса, они всячески пытались переложить их идеи, несомненно правильные в условиях капитализма, на социально-экономическую почву феодальной России, придав забвению отечественную литературу. Если Маркс и Энгельс в последних своих работах все чаще и чаще говорят об общинной собственности как об экономической основе социализма, являющейся точкой опоры социального возрождения России, минуя капиталистическое развитие, Плеханов и другие были убеждены, что только развитие капитализма в России есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий в стране.

Механически и к тому же неверно применяя марксистскую теорию общественно-экономических формаций к условиям России, Плеханов обосновывал неизбежность и необходимость перехода от феодализма к капитализму и только потом к социализму. Твердо став на эту позицию, он до конца своих дней не верил в русскую общину, в революционную силу крестьянства. Исходя из этого, характер Октябрьской революции 1917 года он определял как несоциалистический и доказывал: переход от феодализма к социализму невозможен.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции усилия отечественных ученых-обществоведов были направлены на доказательство ее социалистического характера. Необходимость этого шага определялась как разногласиями среди марксистов, так и усилением буржуазной пропаганды,

пытавшейся ухватиться за это слабое звено в цепи марксизма и разорвать его, с тем чтобы увести Россию от строительства социализма к строительству капитализма.

Начетничество и догматизм отечественных ученых-обществоведов не позволили им понять характер смены общественно-экономических формаций в стране. Желая подогнать практику строительства социализма в стране под сказанное основоположниками марксизма-ленинизма где бы то ни было, когда бы то ни было и зачем бы то ни было, они вводили новые понятия и определения: «монархический строй», «самодержавный строй» и пр. Дело доходило до абсурда. На основании определения Ленина о возможности победы социализма первоначально в немногих или даже в одной отдельно взятой капиталистической стране, данного им в 1915 году в работе «О лозунге Соединенных Штатов Европы», отечественные ученые-обществоведы причину смены общественно-экономических формаций в стране в октябре 1917 года объясняют следующим образом: «В России особенно сильно сказывалась тормозящая роль империализма в развитии производительных сил, процесс загнивания капитализма шел быстрее, чем в других странах империализма. Это вызывалось особенностями российского империализма»^{xxiii}.

Вот так вот! Оказывается, социалистическая революция в России в октябре 1917 года стала возможна именно потому, что здесь загнивание капитализма, строительство которого началось в феврале 1917 года, шло быстрее, чем в других странах империализма, в которых капитализм к тому времени развивался в течение десятков и сотен лет.

Отечественных ученых-обществоведов не смущает тот факт, что в России период от буржуазной до социалистической революции равен восьми месяцам. То, что за этот срок капитализм успел зародиться, развиться до империализма и загнить, — это фантастика. Вот к чему приводит неумное желание свести концы с концами, не зная существа предмета. Что же касается особенности российского империализма, то она, по мнению авторов, должна была обосновать другое определение Ленина: «Империализм есть канун социалистической революции»^{xxiv}.

Ленин в своих работах «О лозунге Соединенных Штатов Европы» и «Империализм как высшая стадия капитализма», обобщая, конкретизируя и дополняя учение Маркса и Энгельса о капитализме, доказывает, что на смену капиталистической общественно-экономической формации идет коммунистическая формация, что капитализм сменяется социализмом. Ленин вслед за Марксом и Энгельсом утверждает, что общественно-экономическая формация, идущая на смену капитализму, не может быть иной, как коммунистической формацией, первой фазой которой является социализм. И здесь определение Ленина — империализм есть канун социалистической революции — абсолютная истина. Но ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин, ни Сталин не отрицают возможность перехода к социализму (коммунизму), минуя ту или иную общественно-экономическую формацию.

Не вина, а беда отечественных ученых-обществоведов, что они неправильно понимают или не хотят правильно понять высказывания основоположников марксизма-ленинизма. К тому же можно ли утверждать, что в феврале 1917 в России произошла буржуазная революция? Нет, конечно, нельзя. Во-первых, потому, что движущей силой этой революции был пролетариат, и только предательство Советов, которые тогда были в руках меньшевиков и эсеров, позволило буржуазии воспользоваться плодами победы пролетариата в этой революции. Во-вторых, сама буржуазия не была готова к этой революции. Достаточно сказать, что после прихода к власти буржуазии Россия даже не была провозглашена республикой... Добавим сюда двоевластие, где наряду с буржуазным временным (подчеркиваю: временным) правительством реальной властью обладали Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (пусть даже и предательские Советы, но это уже больше, много больше, чем завоевания буржуазных революций других стран, вместе взятых), и тогда станет очевидным переход от феодализма к социализму в нашей стране, минуя капиталистическую стадию развития.

Таким образом, на основании знаний и опыта, накопленных человечеством за всю историю своего существования с помощью пролетариата передовых стран, народы, отсталые в своем развитии, могут перейти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Более того, с точки зрения исторической перспективы в условиях победы социализма во всем мире, народы первобытнообщинной экономической формации, какими в настоящее время являются папуасы, бушмены, индейцы и другие аборигены Азии, Африки, Латинской Америки и Австралии, могут перейти к социализму, минуя все другие промежуточные формации.

P.S. Работа уже почти была готова к выходу в свет, как изменилась величина минимальной заработной платы. С апреля 2002 года она составляет 450 рублей. Несмотря на это, я не стал править текст в данной части. Во-первых, потому, что это плод начальной политики «реставрации» капитализма в России; своего рода зеркало истории первоначального накопления капитала в постсоциалистической России. Во-вторых, потому, что у меня нет после апрельских сведений о росте заработной платы президента страны, руководителей официальной и теневой экономики. Но даже если предположить, что здесь все осталось неизменным, то и тогда вышеуказанная разница будет весьма внушительной, а значит, увеличение минимальной заработной платы до 450 рублей, по существу, ничего не меняет относительно экономического и политического положения продавца рабочей силы. К тому же систематическое увеличение стоимости жизненных средств сводит на нет произведенное увеличение минимальной заработной платы. Особенно быстро растет плата за коммунальные услуги. Это уже привело к тому, что жители регионов, например Воронежской области, отказываются платить за коммунальные услуги в виду своей неплатежеспособности. Особенно ярко проявилось негативное отношение большинства россиян к проводимой в стране жилищно-коммунальной реформе в дни проведения Всероссийской переписи

населения, когда жители целых регионов, как это было в Новоберезовском районе Свердловской области, свое участие в переписи ставят в зависимость от решения их жилищно-коммунальных проблем.

ⁱ Там же. С. 442.

ⁱⁱ В о с л е н с к и й М. С. Номенклатура. М., 1991. С. 38.

ⁱⁱⁱ Там же. С. 555, 556.

^{iv} Там же. С. 564.

^v Там же. С. 575.

^{vi} Там же. С. 564.

^{vii} Там же. С. 557.

^{viii} М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 27. С. 402.

^{ix} Там же. Т. 6. С. 442.

^x Мифы уходящих времен // «Известия», 02.04.90.

^{xi} М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 33. С. 727.

^{xii} Там же. Т. 19. С. 116—119.

^{xiii} Там же. С. 120.

^{xiv} Там же. С. 576, примеч. № 164.

^{xv} Там же. С. 250.

^{xvi} Там же. С. 250—251.

^{xvii} М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Избр. соч. в 9 т. Т. 3. С. 175.

^{xviii} Там же. Т. 4. С. 493.

^{xix} Там же. С. 502.

^{xx} С т а л и н И. Соч. Т. 3. С. 186—187.

^{xxi} Л е н и н В. И. Соч. Изд. 5-е. Т. 41. С. 246.

^{xxii} «Молодой коммунист», 1990. № 7. С. 27.

^{xxiii} История СССР. М., 1978. С. 136.

^{xxiv} Л е н и н В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 299.